

РАЗВОРОТ

вопрос, зачем идти, например, на марш памяти Бориса Немцова, зачастую ответ был такой: «Чтобы показать моим единомышленникам, что мы вместе».

«В кругу гражданских активистов считается, что в Перми сложилась договороспособная культура протеста. На одного протестующего, по их словам, приходится три правозащитника. Действительно, разгона демонстраций в Перми я не помню, и, даже когда появляются люди с агрессивными антипутинскими лозунгами, полиция действует мягко. Но важный факт: протестующие её ведь и не провоцируют. Для кого эти протесты? За исключением узкого слоя пермяков, их мало кто замечает. Эти интеллигентные, образованные люди ходят на митинги, потому что видят в этом свой долг», — считает Лысенко.

Есть и вторая культура — стихийного народного протеста. В Перми таких примеров наберётся немного. Были, например, табачный бунт в начале 1990-х годов и митинг против монетизации льгот в 2005 году. Вот что писала про табачный бунт публицист Светлана Федотова в проекте «Реальная Пермь»: «Спонтанное выражение недовольства, которое впоследствии получило название «табачный бунт», началось 26 июля около полудня, когда в табачном магазине на улице Ленина кончился товар. Очередь из «курильщиков», которым не досталось папирос, превратилась в бунтовщиков. Сначала они перекрыли близлежащую улицу, остановив трамвайное движение, а затем двинулись к зданию горисполкома. Там перекрыли улицу Карла Маркса (теперь Сибирская) и устроили митинг, призвав к ответу городские власти. Ближе к вечеру к митингующим вышел глава администрации Владимир Филь и пообещал навести порядок».

А про бунт против монетизации льгот Олег Лысенко рассказывает так: «Эспланада была почти полностью заполнена пенсионерами, которые собрались там практически стихийно. Они перекрыли улицу Попова, парализовав движение транспорта. Тогда же там появились «яблочники», но организаторами они не были. Это был самый настоящий народный протест».

Позже, в 2012 году, во время протестов на Болотной площади в Москве, закрепился третий тип культуры протеста — игровой. Естественно, попытки проводить митинги с игровыми элементами (например, карнавала) делались и в Перми. К примеру, Лысенко говорит,

что подобные акции обсуждались в партии «Союз правых сил» ещё в 2006 году. Но в Перми это не прижилось — местные политики не захотели «быть как клоуны». «Дело в том, что пермские либералы всегда держат в голове серьёзный образ диссидентов: Сергея Ковалёва, Людмилу Алексееву... Тут не до шуток, — считает социолог. — Но поскольку в России уже формируется общество потребления, общество спектакля или игры, такой формат выглядит скучно и именно поэтому плохо срабатывает. А «Мы за честные амфоры» — гениальный слоган, 100%-ное попадание в аудиторию этой культуры — креативного класса, молодёжно-интернетную, хипстерскую, если хотите».

И четвёртая, завершающая, по Лысенко, список российских протестных культур, — инсценированные митинги политических партий. Сейчас их эпоха прошла, но не так давно эти технологии активно использовали в качестве агитации. «Они делались для того, чтобы это показали СМИ. Были специалисты по проведению таких мероприятий, у каждого была своя команда, способная устроить такой «митинг». Бывали даже такие смешные случаи, когда митинг одной политической силы стоял напро-

«Для кого эти протесты? За исключением узкого слоя пермяков, их мало кто замечает. Эти интеллигентные, образованные люди ходят на митинги, потому что видят в этом свой долг»

тив другого и между ними бегали вербовщики, переманивая людей «постоять за деньги», — рассказывает Олег Лысенко.

Войны памяти

Хотя многие эксперты не относят это явление к протесту, всё же одной из глав истории пермского противостояния невозможно не считать «войны памяти», как это называет кандидат философских наук, доцент Пермского филиала Высшей школы экономики Алексей Каменских.

Не так давно в Перми, после начала кампании против музея «Пермь-36» с последующей сменой его руководства, возникла неформальная группа неравнодушных людей: правозащитников, предпринимателей, вузовских преподавателей, архивистов и журналистов, которые пытаются противостоять попыткам «ресталинизации» в Перми.

Среди протестных акций этой группы значатся: «Возвращение имён», организованное пермским отделением «Мемориала»; выставка Музея советского наива (преобразованного в Центр городской

латентным протестом, — испорченные бюллетени на выборах. В этом виде протеста пермяки занимают лидирующие позиции — за прошедшие выборы депутатов Госдумы, гордумы Перми и краевого заксобрания Пермский край вошёл в пятёрку регионов по числу испорченных бюллетеней. Например, на выборах партий из списка в Государственную думу испортили свои бюллетени более 38 тыс. жителей Перми.

В чём правда, брат?

Но если отставить в сторону хроники минувшей осени, то на сегодня, по мнению активиста Сергея Ухова, есть мало тем, которые могут объединить пермяков. Вот разве что неудобная система учёта городских проездов.

«Если говорить о крае, то там картина очень невесёлая и тревожная. Одна из главных проблем посёлков — это невозможность получить качественную медицинскую помощь, отсутствие нормальной работы коммунальных служб, уборки снега и мусора, — говорит активист. — Экономическая ситуация в маленьких городах такая, что местным администрациям нечем заплатить энергетикам за освещение на улицах и его просто отключают, как, например, в Ныробе или Александровске. А в последнем городе градообразующие предприятия вовсе перешли на трёхдневный график».

Однако заметим, что протестовать рабочие Александровска не спешат — боятся, что уволят. Или это страх другого, практически экзистенциального порядка — нарушения хрупкого мира социальной жизни?

«Когда общество разьединено, причём по-настоящему, жёстко, и в нём привыкли решать конфликты с помощью насилия, тогда всякие формы протестной активности ведут к нарушению общественного порядка и влекут общество в хаос, увеличивая насилие», — говорит Олег Лейбович.

С другой стороны, пытаться замалчивать существующие конфликты или преждевременно примирять их, формируя общественный невроз, по Фредерику Перлзу, не лучший выход. И здесь многое зависит от действующей власти. «Худшее, что она может сделать сегодня, — это начать запрещать митинги», — говорит Олег Лысенко.

Видимо, правда, как всегда, где-то посередине между мнениями двух Олегов.

